

Хадыров Р.Ю.

аспирант кафедры политического анализа и управления РУДН

Khadyrov R.Yu.

*Post Graduate of the Chair of Political Analysis and Administration,
Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТАДЖИКИСТАНА

SPECIFIC FEATURES OF THE POLITICAL SYSTEM IN TAJIKISTAN

Аннотация. После распада СССР новые независимые государства были вынуждены с «нуля» создавать политическую систему. Практически все из них выбрали демократический путь развития. Не стали исключением в этом процессе и страны Центральной Азии. Однако в отличие от других постсоветских стран, в регионе Центральной Азии большое влияние на политическое развитие оказывала сохранившаяся клановость. Кланов в центрально-азиатских государствах имеют историко-культурные корни и оказывают огромное влияние на политические процессы.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические процессы, кланы

Abstract. After disintegration of the USSR the new independent states faced the need to create the political system anew, from “zero”. Practically all of them have chosen the democratic development. The Central Asian countries were no exception here. However, unlike other post-Soviet countries, the survived clan system influenced greatly the political development of these countries. The clans in the Central Asian states have deep historical and cultural roots and they have the enormous effect on the political processes.

Key words: Central Asia, political processes, clans

Родоплеменное деление представляет собой не политическую партию или неправительственную организацию. Ее не запретишь указом. В этом и есть главная специфика клановой системы центральноазиатских государств. Клановость строиться не только на родоплеменных связях, но и на древних устоях «махалля» («махалля» – из арабского языка, где обозначало часть города размером с квартал, жители которого осуществляют местное самоуправление). Мечеть являлась центром квартала, в которой и проходили сборы и принимались решения района.

Во всех государствах Центральной Азии родоплеменное и территориальное деление играет ключевую роль в политической жизни государства. Зачастую в продвижение того или иного кандидата на важный политический или экономический пост на первый план выходят принципы территориального деления – землячество.

Регионализм характерен для многих государств Центральной Азии, но фактор кланового устройства в Таджикистане угрожает целостности государства [20]. За последние несколько столетий не было целостного таджикского государства. Территория Таджикистана постоянно была разделена между разными государствами: северная часть входила в состав Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве, остальная территория – в Бухарском эмирате. В 1924 году планировалось создание автономной области, однако в итоге была создана автономная республика в составе Узбекской ССР. Автономной областью в составе таджикской республики стал Памир, которая состояла из земель «Восточной Бухары», а также из земель Туркестанского генерал-губернаторства, входивших прежде в Кокандское ханство (Ходжент, районы, прилегающие к Самарканду, – Пенджикент, верховья Зеравшана) [3]. В 1929 году Таджикская АССР получила статус союзной республики [18].

Современные границы Таджикистана не соответствуют историческому расселению этнических таджиков. На-

род оказался разделённым между новыми государствами, Таджикистаном, Узбекистаном и Афганистаном. На севере Афганистана проживает большое количество Таджикив. В Узбекистане располагаются крупные города, которые исторически и этнически были заселены таджиками. Это такие города, как Бухара, Самарканд Хива. Вопросы несправедливого территориального деления таджикского народа возникают постоянно и часто подогреваются политиками.

Клановое устройство в Таджикистане стало главным фактором в определении политической власти. Основой таджикского общества является «авлод» (община, своего рода государство внутри государства). Община регулирует все процессы жизнедеятельности такие, как экономические правовые, территориальные и религиозно-духовными [4].

В республики можно выделить несколько авлодов – общин, кланов.

Ходжентская, согдийская группа кланов расположена на севере Таджикистана, отделена от основной территории государства горным хребтом. Исторически эта территория вошла первой в Российскую империю из территории всего Таджикистана. Этот факт предрасположил экономическую развитость региона. В Ленинабадской области Таджикской СССР располагалось половину городов и крупных посёлков городского типа всей страны. В советский период большое количество партийной элиты Таджикской ССР были выходцы из этого региона, так же они составляли основу управленческого корпуса республики. В регионе традиционно сильна узбекская диаспора, географическая близость, наследие советской инфраструктуры завязанной на Узбекистан, всё это повлияло на легитимность клана. Географическая обособленность не позволила клану занять в стране лидирующие позиции [21].

Кулябский клан располагается в центральной и восточной части Хатлонской области современного Таджикистана. Хатлонская область в советский период оставалась неразвитым и не представляла экономический центр страны.

Регион оставался аграрным, а перерабатывающей промышленности практически не было. Патриархальное устройство области с приходом независимости государства осталось неизменным в отличие от более экономически развитого севера страны. Именно кулябская группировка кланов стала сторонником советского устройства государства, потому что советское устройство способствовало закреплению колхозной системы, в которой Кулябский клан играл ключевую роль, а лидер имел всю полноту власти [3]. В советский период представители этого клана традиционно составляли основу состава органов внутренних дел. [5, с. 22]. Это стало одним из ключевых факторов, в дальнейшей судьбе кулябских кланов, поскольку они смогли быстро организовать военизированные группы для защиты своих политических интересов.

Гиссарский клан располагается в историческом центре, Центральном Таджикистане. По численности не многочисленный. Наиболее близким союзником этому клану можно считать Худжанский клан. Гиссарцы экономически активны и стараются вести рыночные отношения. Это стало одним из главных факторов союза гиссарцев с ходжентцами и кулябцами в период гражданской войны. Однако хоть клан и является экономически и политически активным но он не сыграл главной роли в политической жизни страны по нескольким причинам: во-первых, численность группировки очень мала и не может конкурировать с другими кланами; во-вторых, большое количество активных членов клана являются этнические узбеки, а они, безусловно, не смогли бы претендовать на ключевую управленческую роль в рамках всей республики [6, с. 138].

Существуют еще два клана Каратенгский и Бадахшанский. В период советского союза выходцы с этих регионов не были представлены не в управленческой элите, не в партийной организации, поскольку регионы были слабо развиты в экономической сфере. В 1920-е годы области Гарм и Каратегин были оплотом басмаческого движения, после разгро-

ма движения было принято решение о переселении горцев в долины [7, с. 45]. Это стало главным фактором, который определил оппозиционный настрой к центральной власти. Кроме того, клан стал активно воспринимать ортодоксальный ислам. Каратегинцы, имели схожие проблемы, поэтому их религиозные воззрения, что привело их к контактам с международными исламскими центрами [4].

Самым политически независимым кланом всегда считался Горно-бадахшанский клан или Памирский. Территория горного Бадахшана всегда оставалась автономной и в период, когда Таджикистан являлся автономной республикой в составе Узбекской ССР и в современный период таджикской независимости [8]. Уникальная обособленность этого клана исторически оправдана. Автономная область занимает около 45% территории Таджикистана, хотя численность населения составляет примерно 10% от всего населения республики. Между жителями долин и Горно-Бадахшана существуют большие различия. Горно-бадахшанцы используют языки Памирской группы, которые относятся к восточно-иранским диалектами. Остальные кланы используют таджикский язык, который относится к западно-иранским диалектам. Памирцы в большинстве случаев исповедуют ислам шиитского толка. Жители Горного Бадахшана воспринимают себя в первую очередь как жители Памира, а потом Таджикистана. В период Советского Союза горный Бадахшан активно развивался. Было построено большое количество автомобильных дорог, предприятий и образовательных центров. В этот период сформировалась интеллигенция клана. Количество образованных людей было не меньше чем в Иране и Турции [9, с. 149]. По мнению исследователя Л.Н. Харюкова, в период советской власти образовалась диспропорция интеллигенции и научных людей [9, с. 134]. Однако среди управленческого корпуса Таджикистана представителей клана практически не было, это повлияло на дальнейшее противостояние клана с другими кланами [16].

После распада СССР борьба кланов в Таджикистане обострилась, хотя изначально региональная специфика конфликта не была явной. [17]

На современном этапе развития у власти находится Кулябский клан, интересы, которого выражает Народно-демократическая партия. Оппозиционные партии, такие как Социал-демократическая партия, Демократическая, Исламская партия возрождения Таджикистана пока не стали проводниками интересов остальных кланов. Данная ситуация сохраняет вероятность обострения политической ситуации в Таджикистане. [19]

Литература:

- [1] Политическая энциклопедия : и Д, 2002. в 2 т. М. : Мысль, 1999. Т. 2.
- [2] Федерализм: энциклопедия. М. : Изд-во МГУ, 2000.
- [3] Гуломов Р. Г. Суверенный Таджикистан на пути демократизации общества, Душанбе 2001. АООТ, Мадбуот мин. Культура Р.Т. – 39 с.
- [4] Давлатов Д. Движение национального единства и возрождений. Таджикистана. Душанбе «Шарки Озод», 1997, 58 с.
- [5] Дубовицкий В. Особенности этнической и конфессиональной ситуации в Республике Таджикистан.
- [6] Олимов М.А. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов.
- [7] Олимова С.К., Олимов М.А. Независимый Таджикистан: трудный путь перемен // Восток. 1995. № 1.
- [8] Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Таджикистан). М.: ГНОМ
- [9] Раджабов С.А. Независимость священная. Душанбе: Изд-во, Ирфон, 1999, 47 с.
- [10] Рауфи А. Экономические основы национального единства. Душанбе: Шарки Озод, 1998, 52 с.
- [11] Трофимов Д. Центральная Азия: проблемы этно-конфессионального развития. Исследование ЦМИ МГИМО № 3. М., 1994.
- [12] Конституция Республики Таджикистан. Душанбе: Ирфон. 1995 .
- [13] Мулладжанов П. Элиты у власти: Таджикистанский опыт.
- [14] Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во Москва. ун-та, 1995.
- [15] Хамидов Х. Антинародные политический режим в Таджикистане, после принятия Конституции 1931 г. В кн. Конституционное развитие Таджикский ССР (сб. статье) Вып 1. Душанбе: 1980, 90 с.
- [16] Жильцов С.С. Постсоветское

пространство: тенденции развития. М. Эдель-М. 2001. 199 с.

[17] Жильцов С.С. Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы / Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 23–31.

[18] Неймарк М.А. Русский мир в европейском пространстве / Стратегии России. 2009. № 5. С. 43–54.

[19] Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громько А.А., Жильцов С.С., Иванов О.П., Келин А.В., Конишев В.Н., Кукарцева М.А., Митрофанова Э.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Рудницкий А.Ю., Сурма И.В., Соловьев Э.Г., Чуркин В.И. Со-

временный мир и геополитика. М. 2015. Канон+. С. 158–175.

[20] Анненков В.И., Аникин В.И., Бумагина Е.Л., Валиева З.Э., Волохов В.И., Грановская М.А., Дмитриева И.А., Иванов О.П., Конишев В.Н., Ксенофонтов В.Н., Кукарцева М.А., Колоцова И.В., Лукин А.В., Манойло А.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Петрова Т.П., Рудницкий А.Ю., Рыхтик М.И., Сергунин А.А., Смирнов Г.Н. Соловьев Е.Г., Сурма И.В., Трифонова И.А. XXI век: перекрестки мировой политики. М. 2014. Канон+, 424 с.

[21] Мозель Т.Н. Международная политическая регионалистика / Обозреватель. 2011. № 3. С. 119–126.

References:

[1] Politicheskaja jenciklopedija : v 2 t. M. : Mysl', 1999. T. 2.

[2] Federalizm: jenciklopedija. M. : Izd-vo MGU, 2000.

[3] Gulomov R. G. Suverennyj Tadzhiqistan na puti demokratizacii obshhestva, Dushanbe 2001. AOOT, Madbuot min. Kul'tura R.T. – 39 s.

[4] Davlatov D. Dvizhenie nacional'nogo edinstva i vozrozhdenij. Tadzhiqistana. Dushanbe «Sharki Ozod», 1997, 58 s.

[5] Dubovickij V. Osobennosti jetnitcheskoj i konfessional'noj situacii v Respublike Tadzhiqistan.

[6] Olimov M.A. Ob jetnopoliticheskoj i konfessional'noj situacii v Tadzhiqistane i verojatnosti mezhjetnicheskikh konfliktov.

[7] Olimova S.K., Olimov M.A. Nezavisimyj Tadzhiqistan: trudnyj put' peremen // Vostok. 1995. № 1.

[8] Prjahn V.F. Regional'nye konflikty na postsovet'skom prostranstve (Abhazija, Juzhnaja Osetija, Nagornyj Karabah, Tadzhiqistan). M.: GNOM i D, 2002.

[9] Radzhabov S.A. Nezavisimost' svjashhennaja. Dushanbe: Izd-vo, Irfon, 1999, 47 s.

[10] Raufi A. Jekonomicheskie osnovy nacional'nogo edinstvo. Dushanbe: Sharki Ozod, 1998, 52 s.

[11] Trofimov D. Central'naja Azija: problemy jetno-konfessional'nogo razvitija. Issledovanie CMI MGIMO № 3. M., 1994.

[12] Konstitucija Respubliki Tadzhiqistan. Dushanbe: Irfon. 1995.

[13] Mulladzhano P. Jelity u vlasti: Tadzhiqistanskij opyt.

[14] Harjukov L.N. Anglo-russkoe sopernichestvo v Central'noj Azii i ismailizm. M.: Izd-vo Moskva. un-ta, 1995.

[15] Hamidov X. Antinarodnye

- politicheskij rezhim v Tadžikistane, posle prinjatija Konstitucii 1931 g. V kn. Konstitucionnoe razvitie Tadžikskij SSR (sb. stat'e) Vyp 1. Dushanbe: 1980, 90 s.
- [16] Zhil'cov S.S. Postsovetskoe prostranstvo: tendencii razvitija. M. Jedel' – M. 2001. 199 s.
- [17] Zhil'cov S.S. Politicheskie processy v Central'noj Azii: osobennosti, problemy, perspektivy /Central'naja Azija i Kavkaz. 2016. T. 19. № 1. S. 23–31.
- [18] Nejmark M.A. Russkij mir v evropejskom prostranstve /Strategii Rossii. 2009. № 5. S. 43–54.
- [19] Anikin V.I., Annenkov V.I., Bazhanov E.P., Gromyko A.A., Zhil'cov S.S., Ivanov O.P., Kelin A.V., Konyshov V.N., Kukarceva M.A., Mitrofanova Je.V., Mozel T.N., Nejmark M.A., Orlov V.A., Rudnickij A.Ju., Surma I.V., Solov'ev Je.G., Churkin V.I. Sovremennij mir i geopolitika. M. 2015. Kanon+. S. 158–175.
- [20] Annenkov V.I., Anikin V.I., Bumagina E.L., Valieva Z.Je., Volohov V.I., Granovskaja M.A., Dmitrieva I.A., Ivanov O.P., Konyshov V.N., Ksenofontov V.N., Kukarceva M.A., Kolosova I.V., Lukin A.V., Manojlo A.V., Mozel' T.N., Nejmark M.A., Petrova T.P., Rudnickij A.Ju., Ryhtik M.I., Sergunin A.A., Smirnov G.N. Solov'ev E.G., Surma I.V., Trifonova I.A. XXI vek: perekrestki mirovoj politiki. M. 2014. Kanon+, 424 s.
- [21] Mozel T.N. Mezhdunarodnaja politicheskaja regionalistika /Obozrevatel'. 2011. № 3. S. 119–126.